

Влияние неправительственных организаций и средств массовой информации на процесс формирования внешней политики

Марксистско-ленинская теория политики не ограничивается анализом классовых интересов в целом и их общего влияния на политическую жизнь страны. Она предполагает более конкретный социологический анализ роли, политического веса и форм деятельности различных слоев и групп внутри тех или иных классов — как господствующих, так и угнетенных. Внутриклассовая дифференциация порождена наличием автономных, подчас конъюнктурных интересов тех или иных группировок, которые хотя и не идут вразрез с конечными общими классовыми интересами, однако могут не совпадать с промежуточными целями и средствами или способами их достижения. На это определенное несовпадение автономных интересов различных группировок с общими классовыми интересами неоднократно обращали внимание К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин.

«Группы давления». В капиталистических государствах особые интересы различных слоев правящего класса находят свое выражение в возникновении так называемых «групп давления». К таким группам обычно причисляют военно-промышленный комплекс (ВПК), транснациональные компании (ТНК), всевозможные лобби и т. д. Япония также не является исключением в этом отношении. Ее внутривнутриполитическая жизнь всегда характеризовалась борьбой в правящем лагере, в основе которой лежит неоднородность финансово-промышленных и политических кругов, что подчас и вызывает расхождения между ними в понимании государственных интересов страны. Хотя весь правящий лагерь преследует единую стратегическую цель на международной арене — достижение такого миропорядка, в котором Япония играла бы возрастающую экономическую и политическую роль, — мнения представителей различных кругов не совпадают в отношении наилучших методов и путей ее осуществления.

Прежде чем выявить «группы давления» в Японии, необходимо сделать ряд оговорок. Дело в том, что некоторые советские исследователи «включают» в эти группы, хотя и со ссылками на японских ученых, Кэйданрэн, Кэйдзай доюкай, Ниссё и Никкэйрэн, а также «консультативные» комитеты японского МИД¹⁰⁴. Признавая доминирующее влияние названных эконо-

мических объединений на всех стадиях разработки политики, нельзя согласиться с положением о том, что они представляют «группы давления» или «группы интересов». Напротив, в их задачу входит сведение, а не противопоставление собственных интересов интересам других экономических или политических группировок, хотя бы потому, что у них просто нет «достойных оппонентов». «Группы давления» же формируются за рамками официальных институциональных блоков капиталистических государств, хотя некоторые звенья тех же «4-х империй» могут обладать специфическими интересами и входить в неформальные альянсы с оппозиционными правительству силами.

Еще менее оправданным является выделение «групп интересов» в бюрократических ведомствах страны, особенно в МИД. Они даже в большей степени, чем экономические организации, «включены» в правительственную политику и с присущим бюрократам рвением отстаивают ее, в том числе и против всевозможных «групп давления».

Нельзя, на наш взгляд, рассматривать в качестве лобби и фракции в ЛДП, поскольку они своим существованием обязаны не разногласиям по политическим вопросам (их политические ориентиры практически не отличаются), а главным образом борьбой за власть. Не случайно действительно существующие в партии лобби образованы из членов различных фракций, а не какой-либо одной. Единство политических взглядов и общность идеологии — это главное, что свело их в консервативную партию. Однако подобное единство не исключает расхождение (независимо от фракций) по частным вопросам, например по вопросам отношений с Советским Союзом, Китаем, Тайванем, а иногда и в целом (крайне редко) с политическим курсом партии. Примером последнего может служить образованное в 1973 г. молодыми политическими деятелями ЛДП Общество молодой бури (Сэйранкай), отстаивавшее необходимость проведения более жесткого курса на международной арене, причем независимого от США.

Следовательно, понятие лобби, или «группа давления», означает внеинституциональные объединения представителей некоторой части правящего класса, не согласной с теми или иными аспектами правительственного курса и ставящей перед собой задачу посредством давления на правительство «исправления» этого курса в соответствии с собственными интересами. В некоторых случаях возможны альянсы и с оппозиционными государству силами.

Такого типа объединениями являлись пропекинское и протайваньское лобби, возникшие в 60—70-е годы в политических и деловых кругах страны. В ЛДП протайваньское лобби складывалось вокруг Ассоциации по изучению азиатских проблем (Адзиа мондай кэнкюкай, создана в 1964 г.), а пропекинское — вокруг Совета по изучению проблем Азии и Африки (Адзиа африка мондай кэнкюкай, 1965 г.)¹⁰⁵. Экономические круги пропе-

кинской ориентации сформировали Японо-китайскую экономическую ассоциацию (Ниттю кэйдзай кёкай, 1972 г.), протайваньской — Японо-тайваньское общество (Никка корё кёкай, 1972 г.). В парламенте в пользу КНР действовала Лига парламентариев за японо-китайскую дружбу (Ниттю юко гин рэмэй, 1973). Причем из 497 членов Лиги 166 представляли ЛДП, остальные — оппозиционные партии (за исключением КПЯ). Протайваньскую позицию занимал (и занимает) Консультативный совет парламентариев за развитие японо-китайских (тайваньских) отношений (Никка канкэй гин конданкай). Вне стен парламента в пользу преимущественного развития отношений с КНР выступали различные общества: Японо-китайская ассоциация (Ниттю кёкай), Общество японо-китайской дружбы (Ниттю юкокай), Общество японо-китайской дружбы (ортодоксальное), куда входили политические и деловые круги, а также общественные деятели страны.

По мере того как проблемы, стоявшие перед Токио в отношении Пекина, разрешались, значение пропекинских лоббистов падало, и в настоящее время их можно оценивать как утративших статус «групп давления». Вместе с тем, поскольку тайваньский сюжет продолжает оставаться актуальным, причем действия правительства в отношении тайбэйского режима решительно не согласуются с представлениями лоббистов, последние продолжают сохранять свою значимость наряду с так называемым «просеульским лобби», которые не удовлетворены официальной линией Токио в отношении Южной Кореи.

Нужно, однако, иметь в виду, что «выравнивание» правительственного курса с лоббистским не обязательно надо рассматривать как результат действия «группы давления», хотя их значение не следует и преуменьшать. Например, что касается разрешения проблем в отношении Китая, то они в большей степени были связаны с внешними факторами, в первую голову с позицией и политикой США, нежели с действиями пропекинского лобби.

Попутно важно отметить другую сторону лоббистского явления (эта тема частично будет затронута во второй части исследования), а именно существование лобби на межгосударственном уровне. Так, в советской печати сообщалось: «Около 11 млн. долл. израсходовано японским правительством в 1981 г. для поддержания прояпонского лобби в США. Каждый пятый политик, занимающийся в Соединенных Штатах лоббистской деятельностью в пользу иностранных государств, оплачивается официальным Токио»¹⁰⁶. Думается, что еще большие суммы тратят Вашингтон и военные корпорации США для поддержания проамериканских позиций в японской столице. «Дело „Локхид“», в котором были замешаны даже правительственные чиновники во главе с премьером К. Танака, — это, по-видимому, всего лишь часть айсберга проамериканского лоббизма в Японии.

На рубеже 70—80-х годов резко возросло значение Управления национальной обороны (УНО) в процессе разработки внешней политики. Это было вызвано поворотом Японии к жесточенным формам политики, значительно большее внимание, чем ранее, стало уделяться военному направлению. Захиревший было Совет национальной обороны при кабинете министров, созданный еще в 1956 г., ныне приобретает все большее значение в качестве своего рода «мозгового центра» в области разработки военно-стратегических планов Японии.

Крайне правые организации. Одним из важных факторов формирования внешнеполитического процесса, особенно в настоящее время, когда в Японии поднялась волна национализма, являются крайне правые силы страны. Эти силы довольно значительны и достаточно организованны. По данным японской печати, количество крайне правых групп и объединений достигает 550 (по другим данным — 700) с общим количеством членов в 120—125 тыс. человек.

К наиболее крупным и влиятельным правым организациям относятся: Дзэнкоку айкокуся дантай кайги (сокр. Дзэнъай кайги — национальная конференция патриотических организаций), Сэйнэн сисо кэнкюкай (Сэйсикай — общество изучения мыслей молодежи), Дайниппон айкоку дантай рэнго дзикиоку тайсаку кёгикай (Дзитайкай — Объединенное совещание патриотических обществ великой Японии по разработке мероприятий по текущим событиям). В каждое из них входят организации и группы с числом членов от десяти до нескольких тысяч. Дзэнъай кайги, например, объединяет более 300 организаций, а Сэйсикай — около 50. В случае чрезвычайных обстоятельств они могут мобилизовать более 30 тыс. человек. Оба этих объединения имеют примерно равное соотношение сил, но, по мнению полиции, большей мобильностью и организованностью обладает Сэйсикай, почетным председателем которой до недавнего времени являлся Ё. Кодама (умер в 1984 г.).

Другой важной фигурой правых является «старец» Бин Акао, руководитель Великой патриотической партии Японии (Дайнихон айкокуто). О его крайне правой позиции свидетельствует то, что он даже К. Танака и Я. Накасонэ считает «шпионами в пользу СССР и КНР». Его организация связана с Международной федерацией за победу над коммунизмом (Кокусай сёкурэнго), члены которой (по одним данным — 400 тыс., по другим — 21 тыс.) входят одновременно в христианскую организацию известного корейского антикоммунистического проповедника Мьюн Муна. Эта организация финансируется крупным японским бизнесменом, идеологом фашизма еще с довоенных времен Р. Сасагава, под началом которого находится еще 30 аналогичных организаций¹⁰⁷.

Общественность обратила внимание на эти группы в связи со скандальными разоблачениями по «делу „Локхид“», ключевую роль в котором играл уже упоминавшийся выше виднейший

деятель и идейный вдохновитель правого течения Ё. Кодама. Идеологической платформой всех этих групп является воинствующий антикоммунизм и крайний национализм. Они считают, что руководящим принципом для построения идеального национального общества должен стать «японизм» (нихонсюги), предусматривающий отказ от буржуазно-либеральной демократии и восстановление верховной власти императора. Их политические требования формулируются следующим образом: 1) отмена конституции, навязанной США, и введение самостоятельной конституции; 2) ликвидация КПЯ; 3) наведение «порядка» в области просвещения (т. е. роспуск Всеяпонского профсоюза учителей); 4) немедленное возвращение так называемых «северных территорий».

Правые и националистические организации Японии не имеют собственной финансовой базы. Средства для своей деятельности они получают от крупного капитала и правящей ЛДП, а также от преступного мира, с которым они тесно связаны. Эта помощь не афишируется и носит замаскированный характер (в форме платы за рекламу и объявления в газетах этих организаций). По данным полиции, правые организации получают помощь от банжов «Мицубиси», «Дайити», «Токай», «Сумитомо», «Мицуи», компаний «Дэнки когаку когё», «Маусита дэнки» и др. «Дело „Локхид“» показало, что средства они получают также из-за рубежа. По крайней мере не исключено, что часть денег, полученных Ё. Кодама от «Локхид», он передавал правым организациям.

Безусловно, главным объектом нападков этих организаций являются прежде всего прогрессивные силы Японии, однако нередко они нападают и на правительство, когда приходят к заключению, что оно недостаточно решительно борется с забастовщиками и проводит, по их мнению, слишком «мягкую» линию в отношении социалистических государств. В свое время острые атаки были направлены в адрес Т. Мики за его внутреннюю политику (принятие Антимонополистического закона, расследование по «делу „Локхид“» и т. д.) и за намерение заключить договор с Китаем, который, как они считали, «ускорит проникновение коммунизма в Азию».

Конечно, действия крайне правых, особенно с точки зрения процесса принятия решений и разработки внешней политики, не следует преувеличивать, но и недооценивать этот фактор было бы также неправомерным.

Средства массовой информации. Роль средств массовой информации (СМИ) в государственно-монополистической системе достаточно известна благодаря многочисленным исследованиям. Для нас важно определить место СМИ в процессе разработки и осуществления внешней политики и показать их «работу» на японском примере. Дело в том, что существует мнение о важной роли СМИ «в разработке решения по данному внешнеполитическому вопросу и в выборе окончательного решения»¹⁰⁸. Как

нам представляется, печать и другие средства массовой информации во внешнеполитический механизм «встроены» не на участке принятия решений¹⁰⁹, а на участке формирования и осуществления внешней политики. В последних двух случаях они выступают в качестве канала воздействия на общественное мнение внутри и вне страны. При этом надо иметь в виду, что органы СМИ в значительной степени подчинены государству и монополиям (достаточно сказать, что правительственные расходы на финансирование аппарата по связям с общественностью выросли за 1960—1978 гг. с 760 тыс. долл. до 48 млн. долл.). В этих условиях свою главную функциональную роль, а именно пропагандистско-идеологическую в оболочке информационной, СМИ осуществляют в поддержку внутренней и внешней политики господствующих классов капиталистического общества.

Для буржуазных авторов является вполне естественным включение СМИ во внешнеполитический цикл на участке принятия решений, поскольку такое «введение» должно демонстрировать вовлеченность общественного мнения, т. е. народных масс, в разработку политики, тем самым как бы опровергая тезис о том, что выработка внешней политики является прерогативой верхнего слоя господствующего класса. Правда, некоторые профессиональные теоретики, такие, как Х. Фукуи, Дж. Паккард, Д. Хеллман, избежали соблазна встать на буржуазно-пропагандистские позиции и не включили СМИ в механизм принятия решений. Д. Хеллман, хотя и в осторожной форме, обосновывает это тем, что «общественное мнение и формулирование (он отличает категорию «формулирование» от понятия «формирование») политики, видимо, функционируют независимо друг от друга, в параллельных направлениях, с неразличными взаимосвязями»¹¹⁰.

Взаимосвязи, однако, существуют, и различить их не так сложно. Например, в 60-е годы, когда Япония придерживалась жесткой позиции в отношении КНР, средства массовой информации действовали таким образом, что, как говорит Х. Ханай, «широкие массы... не имели информацию», а если и имели, то искаженную. Х. Ханай пишет, что, «по опросам общественного мнения, проведенным в период культурной революции, каждый третий из опрошенных японских граждан не знал, что в Китае господствует коммунистическая власть»¹¹¹. Но, когда в 70-х годах позиция правящих кругов Японии в отношении КНР изменилась, СМИ добились формирования в стране «прокитайских» настроений, облегчавших официальному Токио решение проблем, связанных с Китаем.

На Западе бытует тезис об «автономии» и «независимости» СМИ от государства. При этом авторы часто ссылаются на Японию. В качестве примера исключительной роли СМИ американские ученые М. Е. Вайнштейн, Дж. К. Эммерсон указывают на тот факт, что именно СМИ возбуждают интерес общественности к проблемам национальной обороны и безопасности и призыва-

ют население бороться против захода в японские порты американского авианосца «Энтерпрайз»¹¹².

Действительно, в конце 60-х — начале 70-х годов антивоенные и антиамериканские настроения были особенно сильны в Японии, что нашло отражение и в буржуазной печати. Этому способствовало, как минимум, три обстоятельства. Во-первых, монополии в тот период не изъявляли особого желания откликаться на военные программы, которые выдвигало правительство. Во-вторых, в те же годы разразился первый серьезный кризис в торговых отношениях Японии с США («текстильная война») и потому антиамериканские настроения были сильны даже среди деловых кругов. В-третьих, Соединенные Штаты настолько дискредитировали себя войной в Индокитае, что их поддержка США в этой войне или подача материалов о ней в проамериканском духе была невыгодна для правящих кругов, а хозяев прессы лишила бы читателей и подписчиков, а значит, и прибыли. За любыми отклонениями от буржуазных правил и норм (типа критических статей в адрес правительства или какого-нибудь монополиста) всегда кроется тщательно взвешанный умысел, который становится очевидным если не сразу, то через некоторое время, причем умысел в конечном счете в интересах того же правительства и монополистического капитала. Вывод В. И. Ленина о том, что «свобода печати во всем мире, где есть капиталисты, есть свобода *покупать* газеты, *покупать* писателей, *покупать* и покупать и фабриковать „общественное мнение“ *в пользу буржуазии*»¹¹³, сохраняет свою актуальность и в наши дни, в частности и в отношении Японии. Чтобы не быть голословным, разберем взаимоотношения печати и политики в этой стране.

Печатная индустрия Японии издает 126 газет, значительная часть которых имеет вечерние выпуски. В 1979 г. общий тираж газет составил 65,8 млн. экз. в день. Это значит, что общий объем продажи газет в Японии больше, чем в США, население которых почти в 2 раза превышает население этой страны.

На первом месте по объему тиража находится «Ёмиури симбун», утренний выпуск которой (на март 1980 г.) составляет 8,4 млн. экз., на втором — «Асахи симбун» (7,4 млн. экз.). Тираж вечерних выпусков каждой из этих двух газет составляет около 3 млн. экз. Третье место занимает «Майнити симбун» (утренний выпуск — 4,6 млн. экз.). «Ёмиури симбун» имеет 440 отделений в Японии и 25 отделений за границей, «Асахи симбун» — соответственно 300 и 23, а «Майнити симбун» — 250 и 13. Эту «великую тройцу» японцы обозначают одним словом: Тёмайёми.

К общенациональным газетам относятся также «Нихон кэйдзай» («Экономическая газета») и «Санкэй симбун» («Промышленно-экономическая газета»). ЛДП издает «Дзию симпо» («Вестник свободы»). «Джапан таймс» считается официозом Министерства иностранных дел.

Как же создается «общественное мнение»? Любая серьезная проблема, освещение которой выгодно правящим кругам, немедленно выносится на первые полосы «великой троицы» («Ёмиури», «Асахи», «Майнити») и «Джапан таймс» с многочисленными комментариями в духе, благоприятном правительственному курсу. Несмотря на обострение конкуренции между прессой и телевидением, взаимные споры в таких случаях отходят на второй план и СМИ страны выступают единым фронтом. Нагнетая, а порой искусственно разжигая страсти вокруг выбранной темы, они оказывают воздействие на население страны, формируя «общественное мнение» в русле, выгодном правящим кругам. Так, в частности, работала пресса в период, предшествующий подписанию договора с КНР. В 1975—1977 гг., когда среди членов правительства и партии еще не был выработан консенсус и они не были готовы к подписанию этого договора, органы массовой информации «призывали» правительство к осторожной, сбалансированной политике в отношении с КНР и СССР. Чтобы обосновать необходимость такого подхода, все крупнейшие японские газеты процитировали высказывание тогдашнего министра иностранных дел К. Миядзава (противника договора) о том, что его подписание приведет к оформлению военно-политического альянса между Японией и Китаем с негативными последствиями для первой. Однако, как только к власти пришел Т. Фукуда, который под давлением Вашингтона решил пойти на подписание договора с Пекином, СМИ, немедленно «забыв» о своих предостережениях, стали рекомендовать правительству как можно скорее заключить договор, который якобы совершенно необходим для противодействия «угрозе с Севера». И хотя на страницах печати встречались критические статьи на эту тему, однако они были размыты потоком информации, спланированным официальными органами.

В конце 70-х — начале 80-х годов буржуазная пресса заpestрела статьями, призывающими правительство наращивать военный потенциал Японии. Если обратиться к программным документам кабинета на этот счёт, которые официально нацеливают Японию на проведение политики в направлении милитаризации, то станут очевидными истоки воинственности журналистов и репортеров.

Уже упоминавшийся знаток Японии Фр. Гибни, много лет проживший в этой стране, не без сарказма отмечал, что все факты, комментарии, редакционные статьи и подвалы японских газет почти ничем не отличаются друг от друга. «У меня было хобби, — пишет Гибни, — каждое утро я раскрывал три газеты (тёмайёми) и сравнивал первые страницы. За редким исключением, их содержание, вплоть до фотографий и заглавий, было идентично. Ни одна страна... не может похвастаться столь вопиющей однородностью мнений, которую умудряются организовать мандарины прессы на страницах японских газет».

Гибни, в отличие от некоторых авторов, не заблуждается в истоках такой подачи информации. Он пишет далее: «Несмотря на появление критических высказываний в трех газетах, мандарины прессы весьма осторожны по части истэблшмента. Подобно бизнесменам, бюрократам и профессуре, они причисляют себя к защитникам государства... они прежде всего националисты. И когда они усматривают угрозу национальным интересам, только тогда они начинают дуть в свой злой свисток»¹¹⁴.

Каков же механизм взаимоотношений между СМИ и правительством?

В Японии давно сложились своеобразные формы связи или так называемая «ёмяку» (спайка) между прессой и политиками. Эта «ёмяку» осуществляется путем общения в закрытых журналистских клубах (кися курабу) при правительственных органах. Взаимодействие может происходить на двух уровнях: личном и групповом. Сотрудника политической редакции какой-либо ведущей газеты, состоящего при определенном политическом деятеле, в журналистской среде называют «бан»: «бан» при Фукуда, «бан» при Миядзава, «бан» при Судзуки.

На групповом уровне редакторы из разных газет объединены в упомянутые выше кися курабу. Группу возглавляет руководитель, от которого в конечном счете зависит судьба любой информации. Членство в таких журналистских клубах ограничено узким кругом репортеров, представляющих основные газеты Японии. Вход в клуб иностранным корреспондентам, за редким исключением, запрещен. Обычно эти кися курабу ориентируются на того или иного политического лидера или на ту или иную фракцию ЛДП. Степень «спайки» может быть таковой, что данная группа отождествляет себя с выбранной ею фракцией. Естественно, что подобного рода связи нигде не афишируются, о них можно только догадываться. О глубине «ёмяку» свидетельствует то, что для Японии не редкость, когда тот или иной репортер или глава журналистского клана становится членом кабинета. Так, в 70-е годы членами правительства стали ряд выходцев из журналистских кругов, в частности такие деятели, как С. Абэ, Х. Бо, Х. Исидэ, С. Ито, Д. Комияма, М. Нагаи, Х. Фукуда, Т. Хасэгава.

Исследователь механизма связей между прессой и политикой К. Мурата на примере взаимоотношений К. Танака, Э. Сиина и Т. Мики (в контексте разбора «дела „Локхид“») сделал такой красноречивый вывод: «Отношения между японскими политиками и репортерами большой прессы представляют собой симбиоз, наличие которого обе стороны находят для себя взаимоприемлемым, правда за счет третьей стороны. И этой стороной является общественность Японии»¹¹⁵. И происходит то, о чем редактор журнала «Фар истерн экономик ревью» Дэвис Дерек, пожалуй самый квалифицированный знаток Японии на Дальнем Востоке, писал: «На протяжении минувших 15 лет возникла гнилая система — кровосмесительный союз между по-

литической элитой ЛДП, крупным капиталом и чиновничьим аппаратом. Слишком часто этой системе помогала и попустительствовала пресса, которая считается свободной, но на самом деле культивирует свои связи с влиятельными кругами и не обладает традицией пытливой журналистики»¹¹⁶.

Совершенно естественно, что в этот симбиоз включен и бизнес Японии. Во-первых, индустрия СМИ уже сама по себе представляет крупные монополистические объединения (газеты+телевидение+кинопродукция). Во-вторых, подавляющая часть акций средств массовой информации находится в руках банков, страховых компаний, рекламных и прочих фирм, т. е. в руках тех же дзайкай. И конечно, СМИ не могут не ориентироваться на своих заказчиков, на общие целевые установки японской монополистической буржуазии.

Противостоять этому мощному симбиозу (СМИ+правительство+бизнес) прогрессивным органам печати с их ограниченным тиражом, слабой финансовой и производственной базой крайне нелегко.

Политологи и международники, исследуя проблемы власти и механизм выработки политики в Японии, для подтверждения или иллюстрации своих теорий и концепций чаще всего обращаются к нескольким событиям, которые оказали существенное влияние на внешнюю политику страны. Это — подписание Сан-Францисского договора 1951 г., восстановление японо-советских дипломатических отношений в 1956 г., пересмотр «договора безопасности» с США в 1960 г., японо-американская «текстильная война» 1969—1971 гг., нормализация японо-китайских отношений в 1972 г.

Мы ограничимся обращением к событиям, связанным с восстановлением дипломатических отношений с КНР. Такое ограничение продиктовано двумя причинами: во-первых, в центре внимания нашего исследования находится внешняя политика Японии в 70-е годы; во-вторых, японо-китайские отношения изучены нами более подробно, чем другие аспекты политики Токио. В данном случае нас интересует не формирование политики Японии в отношении КНР, предусматривающее анализ интересов и целей Токио: он исследован настолько детально, что нет смысла еще раз останавливаться на нем¹¹⁷. В нашу задачу входит выяснение основных участников принятия решения о поездке К. Танака в Пекин в 1972 г.

Нам представляется целесообразным рассмотреть эту тему с помощью статьи Х. Фукуи «Танака едет в Пекин: опыт исследования выработки внешней политики»¹¹⁸. Такое желание мотивировано тем, что Х. Фукуи является самым авторитетным специалистом по японо-китайским отношениям на Западе и, кроме того, это позволит нам на конкретном примере проверить его «функциональную» модель, о которой говорилось в первом разделе.

Американский ученый представляет дело таким образом, что К. Танака, ставший премьер-министром в июле 1972 г., встретил жесткую оппозицию в партии своим намерениям установить дипломатические отношения с Пекином. Справа ему противодействовали члены протайваньского лобби и значительная часть фракции Т. Фукуда, слева — Т. Мики и другие партийные деятели «левого направления», временный союз с которыми распался после выборов президента ЛДП. В результате ядро группы, «делающей политику», состояло из самого премьер-министра К. Танака и министра иностранных дел М. Охира, опиравшихся на свои фракции, которые на тот период превратились в «основное течение» ЛДП. Такая «раскладка сил» давала основание приписывать последующим действиям К. Танака в сторону сближения с Китаем элементы решительности и смелости, чуть ли не революционности, что, конечно, не характерно для поведения даже самых высокопоставленных политических лидеров Японии. В таком ключе описывает ситуацию Фукуи¹¹⁹. Свой вывод о малочисленности «команды ad hoc» он подкрепляет следующим образом.

Не соглашаясь с мнениями двух других американских ученых, Дж. Холидея и Дж. Маккормика, считавших, что «движение, предопределившее признание Японией Китая, показывает, что большой бизнес был главным детерминантом в изменении правительственной политики. Танака и многие члены его кабинета принадлежат к крайне правому крылу ЛДП, и они не могли бы столь круто измениться без поддержки и давления большого бизнеса, который контролирует казну ЛДП»¹²⁰, Фукуи подчеркивает, во-первых, что «поддержку и давление» оказывал не только большой бизнес, но в еще большей степени СМИ, общественное мнение и оппозиционные партии, во-вторых, «давление бизнеса было не главным фактором и поэтому ошибочно считать, что „большой бизнес“ двинул Танака в Пекин»¹²¹.

По Фукуи, сложилась такая ситуация, когда К. Танака и М. Охира чуть ли не вдвоем совершили переворот в японской политике по отношению к КНР.

На самом деле переворота никакого не было и весь процесс нормализации протекал в соответствии с японскими канонами политической жизни.

При всей дробности анализа периода 1971—1972 гг. Х. Фукуи почему-то «забывает» напомнить, что на 25-м съезде ЛДП (21 января 1971 г.), т. е. до объявления Никсоном летом того же года о предстоящей поездке в Пекин, было указано на необходимость «как можно скорее осуществить нормализацию отношений между двумя странами (КНР и Японией) и прилагать активные усилия в целях достижения взаимопонимания и взаимодоверия»¹²². Следовательно, консенсус в партии по вопросам отношений с Китаем в принципе был достигнут еще при кабинете Э. Сато. И хотя дискуссии между протайваньцами и пропекинцами в ЛДП продолжались, но речь шла уже не о сути,

а о формах сближения. Протайбэйские лоббисты, смирившись с решением о нормализации, настаивали на сохранении каких-либо форм отношений с Тайванем, предусматривающих развитие торгово-экономического сотрудничества. В конце концов такая форма была найдена: разрыв дипломатических отношений при сохранении всех иных каналов связи между Токио и Тайбэем, что устроило и ястребов из ЛДП, и руководителей Китая.

Надо сказать, что оппозиционные партии, за исключением КПЯ, несмотря на некоторые внутрипартийные разногласия, в целом выступали за скорейшую нормализацию отношений с КНР. Другими словами, консенсус по китайской проблеме был соблюден не только на уровне правящей партии, но и на общенациональном уровне. Причем лидеры оппозиционных партий, например председатель СПЯ Т. Нарита и бывший председатель этой партии К. Сааки, председатель Комэйто Ё. Такэири и видный деятель ПДС И. Касуга, были непосредственно вовлечены в основную «команду» и «сыграли (особенно Ё. Такэири. — Р. А.) ключевую роль в подготовке визита Танака в Пекин»¹²³. Это дало основание Х. Фукуи сделать следующий вывод: привлечение лидеров оппозиционных партий к важным политическим проблемам «указывает на ясный характер группы формулирования политики и чрезвычайную гибкость и открытую природу ее структуры»¹²⁴. Формально, казалось бы, так. Но необходимо учитывать специфику проблемы. Китай — страна социалистическая, и поэтому естественно, что из чисто тактических соображений направление в Пекин лидеров оппозиции для выяснения ситуации на месте было на тот момент более целесообразным, чем поездки представителей консервативного лагеря, тем более что Пекин питал подозрение к правительству Э. Сато и не имел четкого представления о намерениях правительства К. Танака. Следовательно, дело не в «открытой структуре» механизма принятия решений, а в дальновзоркости политических лидеров Токио.

Что касается бизнеса, то даже приведенные Х. Фукуи конкретные материалы указывают на его главенствующее влияние в деле формирования политики Токио в отношении Пекина, в том числе и на стадии установления дипломатических отношений.

Среди крупных промышленно-финансовых группировок первой стала осваивать китайский рынок группа Сумитомо после того, как она была вытеснена группой Мицубиси с Тайваня. С сентября 1971 г. наладили связи с Китаем кансайские промышленники, а с ноября — Токийская группа бизнесменов, группирующаяся вокруг Кэйдзай доюкай. Кстати сказать, именно эти группировки финансировали предвыборную кампанию фракции К. Танака, М. Охира и Т. Мики, т. е. тех деятелей, которые заявили о своей готовности нормализовать отношения с КНР. Выжидательную позицию некоторое время занимал Кэйданрэн, однако и эта организация с мая 1972 г. одобрила сближение с Китаем, которое, по словам ее тогдашнего президента

К. Уэмура, «является естественной тенденцией в потоке истории». Таким образом, все основные группы дзайкай заняли позицию, благоприятную для налаживания связей с Китаем. И поэтому странным выглядит утверждение Х. Фукуи, что «лидеры наиболее крупных дзайбацу... не руководили политиками и бюрократами; они следовали за ними». В то же время совсем отвергать влияние дзайкай на решение К. Танака о поездке в Пекин Х. Фукуи не мог. Признавая это, ученый писал, что «его влияние было скорее общим и концептуальным, нежели специфическим и связанным с конкретным решением», а посему «ЛДП... большой бизнес были скорее объектами, чем субъектами со стороны действующей группы»¹²⁵. Все это выглядит довольно нелепо даже с точки зрения приведенных самим Х. Фукуи фактов. Дело в том, что «конкретное давление» на К. Танака бизнесу и не требовалось, поскольку действия правительства не шли вразрез с интересами монополий. Наоборот, именно дзайкай ставил перед правительством задачу нормализации отношений с Китаем еще в 50-е и 60-е годы, и только позиция США не позволяла выполнить это требование в те годы.

Этот в общем-то банальный вывод, которого придерживаются все ученые, мало-мальски знакомые с разбираемой темой, например уже упоминавшиеся Т. Хосоя и С. Огата, вызывает принципиальное возражение у Х. Фукуи только по одной причине. Он противоречит его концептуальной схеме относительно механизма принятия решений. В соответствии с ней Х. Фукуи отвергает «элитарную» модель и заменяет ее «функциональной». Парадокс заключается в том, что его вариант анализа на «выходе» дает «полдюжины акторов», так называемую «ad hoc группу», которая и вершит политику. В результате получается «суперэлитная» модель. В подтверждение своей концепции Х. Фукуи наносит удар и по бюрократическим ведомствам. Они, пишет ученый, играли «вспомогательную роль, а не инициативную», они были тренированной и лояльной «лошадкой», чтобы тащить на себе «жокея» Танака — Охира. В «ad hoc группу» от МИД входило, за исключением министра иностранных дел М. Охира (он оценивался как представитель партии), пять человек: заместитель министра иностранных дел С. Хогэн, директор договорного департамента М. Такасима, зав. отделом этого же департамента С. Курияма, директор азиатского департамента К. Ёсида и зав. отделом азиатского департамента Х. Хасимото. Х. Фукуи, правда, не указывает на роль МВТП и особенно тогдашнего его министра Я. Накасонэ, который по своей значимости не уступал К. Танака и М. Охира.

«Выстрел» Х. Фукуи по бюрократии оказывается холостым, поскольку в их функциональные роли и не входило проявлять «инициативы»: задача МИД состояла в тщательной подготовке к этой поездке и в составлении документов, в частности текста Совместного заявления, который, кстати, был встречен китайской стороной без возражений.

Действительно, на последней стадии установления дипломатических отношений организовалась довольно небольшая группа, состоявшая из К. Танака, М. Охира, генерального секретаря кабинета С. Никайдо, нескольких сотрудников МИД и МВТП, которые и довели дело до конца. Но эта группа действовала не в вакууме, и тем более не против центров власти. Она фактически исполняла волю монополий, правящей партии, а в определенной степени и желания оппозиционных партий.

Роль традиций в процессе формирования внешней политики и принятия решений

Общая характеристика традиций и их влияния на формирование внешней политики. Изучение политической культуры Японии и национального сознания японцев интересно не только само по себе, но оно позволяет в определенной степени выяснить специфику поведения страны на международной арене, например те «странности», о которых говорилось выше. Правда, обращение к традициям и национальным особенностям таит в себе опасность двоякого рода, которую как раз и не избежали западная и японская культурология. Будучи приверженцами идеалистического мировоззрения, буржуазные ученые-культурологи склонны объяснить «загадки» «японского феномена», в том числе характер и содержание внешней политики, только национальными особенностями японцев, сформировавшимися, по мнению австралийского ученого Г. Кларка, в результате максимально благоприятного баланса «универсалистских» и «партикуляристских» ценностей¹²⁶. Такая постановка вопроса неверна уже потому, что весь этот социокультурный пласт вторичен и третичен относительно базовых факторов, каковыми выступают способ производства и характер классовых отношений в обществе. Но она не только неверна, но и опасна, поскольку от нее один шаг до национал-шовинизма, который и сделали в самой Японии ученые правого, точнее, националистического направления. Отличительные особенности поведения японцев на стадии формирования и принятия решений они интерпретируют как признаки исключительности и уникальности японской нации, получившей воплощение в теории «японизма» («нихондзинрон»), проповедующей превосходство японцев над другими народами. Как справедливо писал по поводу этой теории японский социолог-марксист К. Нодзому, она представляет «одно из направлений реакционной идеологии», причем все ее разновидности в конечном счете «противостоят марксизму и историческому материализму»¹²⁷.

Это и естественно, поскольку марксистская наука отвергает претензии на исключительность любой нации. Марксистская трактовка особенностей национального характера и этнопсихологии признает наличие специфического и особенного у каждой нации в силу общего психологического склада мышления, отра-

женного в национальной культуре, в том числе культуре политического поведения. В то же время марксистская наука, учитывая особенности национального характера, психологического склада и другие элементы культуры, никогда не забывает ее классовой подоплеки, того, что она формируется под решающим воздействием системы классовых отношений. И поэтому «классово-служебная направленность является самым значимым социальным признаком всей политической культуры, каждого его элемента»¹²⁸.

Анализ взаимодействия политики и культуры на уровне формирования и принятия решений может быть спроецирован и на внутреннюю, и на внешнюю политику. Нас интересует внешнеполитический аспект этой темы. Предмет этот еще слабо изучен в советском японоведении, и поэтому изложенное ниже необходимо рассматривать как попытку поставить проблему, разрешение которой потребует дальнейших углубленных исследований.

Большинство исследователей социально-психологического склада жизни японцев исходят из признания, что его истоками являются особенности структуры японского общества. На Западе, считают они, сложились «горизонтальные» общества: социальные группы в них объединены качественно однородными по классовой и социальной принадлежности элементами. Япония же представляет собой общество с «вертикальной» структурой, и его ведущим организационным принципом является принцип «места» (ба). Людей в «вертикальном» обществе объединяет в группы не их качественная однородность (сикаку), а единство места действия, единство организационных рамок. В средневековье такими «местами» были семья и община. Отношения в каждой из этих ячеек регулировались конфуцианской моралью, заимствованной у Китая, но переработанной на японский лад. В Китае конфуцианство являлось монолитной господствующей идеологией, канонизирующей все стороны жизни общества с четкой иерархической субординацией всех институциональных звеньев и членов государства. В Японии конфуцианство носит ограниченный характер и распространяется только на межличностные отношения внутри каждой из ячеек по принципу приоритета старших. Другие стороны жизни японцев, например производственные отношения, определялись иными религиозно-идеологическими канонами. Кроме того, в отличие от Китая (и Индии), где семье и семейным связям придавалась исключительная роль, в Японии привязанность к семейным узам была значительно слабее; большее значение для личности имели отношения в общине или в государстве, а в современных условиях — на производстве.

Именно эту сторону японских традиций активно эксплуатирует нынешний бизнес, который организует производство на основе так называемой системы патернализма (оябун), «спланивающей воедино» рабочих и предпринимателей одной компании. Социал-антрополог Т. Наканэ утверждает в связи с этим, что

такое общество не признает «качественного первенства», оно построено на «равенстве между людьми». Поэтому, согласно Т. Наканэ, в японском обществе якобы нет места классовому антагонизму: гармония пронизывает всю общественную систему.

Подобные утверждения, конечно, не согласуются с реальностью, с борьбой рабочего класса страны с монополистическим капиталом, регулярно проявляющейся в стачках и забастовках. Именно с позиций реальной действительности японские ученые-марксисты, в частности уже упоминавшийся К. Надзому, опровергают утверждения, подобные взглядам Т. Наканэ. Наличие особенностей, будь то в западных или японском обществах, не отменяет ни классы, ни борьбу между ними — это то общее, что присуще всем капиталистическим государствам. Поэтому действительно существующая в Японии «вертикальная» структура придает специфику не самой классовой борьбе (по содержанию она ничем не отличается, допустим, от борьбы рабочих с буржуазией в Западной Европе и США), а *формам* этой борьбы, формам принятия решений внутри классов. Сама процедура принятия решений в том или ином классе с этой точки зрения почти ничем не отличается, поскольку форма ее есть продукт национальной психологии японцев. Именно на этапе принятия решений «вертикальная» структура оказывает свое воздействие через так называемую «групповую логику».

«Групповая логика», или «отсутствие самостоятельности в принятии решений», является характерной особенностью мышления и поведения японцев, сохранившейся в Японии до настоящего времени. Ее исходные посылки были заложены в глубокой древности, в период земледельческой общины, когда общинники совместным трудом выращивали рис, что делало их отношения взаимосвязанными. Общий, совместный труд порождал принципы групповой логики, в соответствии с которыми люди не могли иметь собственное мнение, свои личностные желания. В отличие от Европы и Америки, где под воспитанием понимается формирование самостоятельности, независимости, в Японии родители стремятся привить своим детям чувство понимания чужих взглядов, позицию невыделения из коллектива. Отсюда возникло и такое явление, присущее японцам, как «шаблонизация личности». Как считает профессор университета Эхимэ Х. Араки, «принцип отрицания способности человека и принцип выдвижения человека в зависимости от стажа работы, пустившие глубокие корни в японском обществе, имеют непосредственное отношение к механике шаблонизации»¹²⁹.

Отсутствие самостоятельности требует подчинения чьей-то воле, т. е. руководителю. Последний обычно обладает большим авторитетом у членов группы. Соподчиненность и взаимодействие между подчиненными и руководителем являются сильными и слабыми сторонами японского коллектива. Если руководитель обладает качествами, позволяющими успешно отстаивать интересы группы вне ее, то возможности группы проявляются в пол-

ной мере. Если группа теряет лидера или он утрачивает авторитет, такая группа превращается в аморфную толпу. Вместе с тем принцип «группа — руководитель» вступает в противоречие с принципом «шаблонизации личности». Это противоречие разрешается частой сменяемостью лидера. Совершенно не случайно сроки полномочий президента партии (ЛДП) и главы правительства ограничены двумя годами. Не случайно также, что в Японии редко встречается «сильная личность» на западный или китайский манер¹³⁰.

В «вертикальной» структуре по линии «группа — руководитель» обнаруживается явление, которое в японском языке передается словом «амаэ», в приближенном переводе означающим «благожелательное отношение к духу зависимости», «желание быть любимым». Психологическим прототипом «амаэ» является психология отношения ребенка к матери. В социальной среде «амаэ» означает, что сильный проявляет терпимость к слабому, признает свои обязательства перед ним, заботится и защищает его, не требуя взаимных обязательств. Именно чувством «амаэ» объясняют авторы монографии «Формирование альянса» жесткую позицию лидеров текстильной промышленности Японии на переговорах с США в 1969—1971 гг. Они, по мнению авторов монографии, исходили из необходимости заботиться об интересах небольших фирм, хотя последние не имели обратных обязательств перед крупными текстильными компаниями. Подобный тип отношений, считают авторы, японцы распространяют и на свои связи с США: «Соединенные Штаты подходят к роли старшего партнера, старшего брата, от которого можно много получить и много ожидать»¹³¹.

Некоторые ученые объясняют подчиненное положение Японии во взаимоотношениях с США традиционным японским «конформизмом, перешагнувшим национальные границы»¹³². Однако конформизм предполагает идентификацию, соглашательство, растворение своего «я» в среде или в отношениях с более сильным партнером. Но, встав на эту точку зрения, невозможно было бы объяснить непрекращающиеся конфликты между Японией и США. По-видимому, дело в том, что, возникающие на основе экономических и политических противоречий, эти конфликты усугубляются антагонистичным взаимодействием конфуцианской морали и принципом «амаэ», перенесенным на взаимоотношения с США. Поскольку последние являются лидером западного мира, постольку Япония в соответствии с логикой конфуцианских канонов находится и должна находиться в подчиненном положении перед Америкой. В какой-то степени этим и объясняется столь послушное равнение Токио на Вашингтон, по крайней мере в сфере тех проблем, которые не затрагивают двусторонних отношений. Когда же США начинают оказывать давление на Японию в вопросах, касающихся непосредственно двусторонних связей, японцы воспринимают это как нарушение принципа «амаэ», в соответствии с которым старший, более сильный парт-

нер должен с уважением относиться к интересам младшего. Нарушение Вашингтоном этого постулата (столь непрагматичного) и приводит к трениям и конфликтам, принимающим форму различных «автомобильных», «текстильных» и прочих «войн». Другими словами, различия в культурных традициях, специфика мышления японцев ведут к недопониманию, усугублению противоречий даже среди классовых союзников.

Тип мышления японцев и его использование правящими кругами. С точки зрения проблем принятия решений большое значение имеет тип мышления японцев, который также весьма своеобразен и существенно отличается от западных и китайских вариантов. Для последних характерны строгие религиозно-идеологические принципы на основе христианства или конфуцианства, категорически отвергающих любые побочные примеси других религий и идеологий. Конфликты с внешним врагом объективно требовали объединения и формирования государств, а для китайцев-ханьцев, помимо этого, необходимо было сохранить свою национальную идентичность в условиях господства маньчжуров. Внешние обстоятельства порождали или сохраняли (для Китая) универсальные идеологии, провозглашавшие моральное превосходство над внешним миром и над врагами. Это, в свою очередь, служило базой для формирования рационального мышления.

Исторический опыт Японии был иной. Своеобразное сочетание географического фактора (расположенность на периферии мировых цивилизаций), специфика исторического развития (самоизоляция на протяжении почти 200 лет) и благоприятные внешние условия (отсутствие внешнего врага) — все это не стимулировало создание какой-либо целостной религиозно-философской основы. Как пишет профессор политехнического института в Токио Е. Нагаи, Японии не было необходимости «создавать государственную идеологию для противодействия Европе, Индии, Китаю и другим великим империям»¹³³. Результатом явился религиозный синкретизм, позволивший безболезненно адаптировать буддизм и конфуцианство, сохранив собственные синтоистские представления о мире. А с конца XIX в. они заодно успешно усвоили и западные духовные ценности как буржуазного, так и пролетарского направления.

Необходимо подчеркнуть, что внутренняя структура японского общества исключала насильственное навязывание идеологий в виде некоей «ортодоксальной теории», как это практиковалось, например, в том же Китае. Хотя правительство Бакуфу (в период эпохи Токугава) имело свои официальные школы, в Японии существовало множество частных школ, пропагандировавших различные идеи. Причем все эти идеи и идеологические течения не перемальвались в одну господствующую идеологию. В феодальный период она оставалась полифоничной. Лейтмотив появился позже: по мере вхождения Японии в капитализм. При этом в качестве идеологического лейтмотива на первый

план выдвинулся синтоизм, исконно японское вероучение, оказавшееся наиболее удобной формой политико-идеологического «обеспечения» империалистических устремлений страны во внешней политике.

Однако над обыденным сознанием японцев вплоть до наших дней продолжает довлеть полифоническая структура мышления, композиционно сформированная таким образом, что каждая ее часть вступает в свои «права» в надлежащее время и в соответствии с определенными обстоятельствами: рождение ребенка и бракосочетание — по синтоистским канонам, взаимоотношения между людьми — по конфуцианским, обряды погребения и поминания усопших в соответствии с буддийскими церемониями.

Такой тип мышления крайне своеобразен и с философской точки зрения. Профессор университета Дзэти в Токио К. Цуруми, разбирая формы разрешения социальной напряженности, считает, что в отличие от Запада и Китая, где признаются противоречия (в философском смысле), японец «не признает ни противоположности интересов, ни противоположности ценностей и идеологий, ни наличия самого противоречия»¹³⁴. Это означает почти полный отказ от законов даже формальной логики. Такая позиция объединяет в себе невнимание к противоречию и возможность удачного выбора различных функциональных элементов противостоящих сторон. Японское религиозное мышление отрицает «универсальные истины», или, другими словами, оно находит в каждом явлении «универсальные ценности». Такой подход ограничивает философское исследование явлений.

В свое время известный прогрессивный философ Н. Тёмин (1847—1901) выразил следующую мысль, получившую широкое распространение: «В нашей Японии издревле и донныне философии не существовало». Основным принципом отношения к природе в Японии выступал «здравый смысл» и «чистый опыт». На основе этих категорий создавал свою философию реакционный идеолог К. Нисида (1870—1945), адаптировавший многие концептуальные положения американца В. Джемса и австрийца Э. Маха. По мысли К. Нисиды, «чистый опыт», присущий японскому мышлению, представляет собой «абсолютно конкретное целостное бытие, включающее в себя не только нерасчлененность субъекта и объекта, но и нерасчлененность сознания, ощущения и воли». А потому, считал К. Нисида, «отрицается как идеализм, так и материализм, основывающиеся на утверждении первоначальной реальности либо духа, либо материи»¹³⁵.

На самом деле это, безусловно, не так. Идеологическая и политическая борьба, пронизывающая японское общество и по вертикали и по горизонтали, опровергает рассуждения консервативных философов. Однако уровень обыденного сознания тех слоев японского общества, которые по тем или иным причинам не вовлечены в классовую и политическую борьбу (это относится прежде всего к деревне — оплоту консервативной партии), позволяет манипулировать специфическими сторонами японского

мышления, которому действительно в определенных рамках при-
суще невыделение противоречий или неспособность увидеть про-
тиворечия, например в официальной пропаганде. Сама пропа-
ганда, в свою очередь, эксплуатирует этот феномен и четко раз-
деляет сферы своего обращения — внутреннюю и внешнюю. По-
литические лидеры, сами прекрасно сознавая эти противоре-
чия¹³⁶, намеренно варьируют формы обращения, информиро-
вания и выработки политического курса в зависимости от
адресата. Массы же зачастую не обращают внимания на проти-
воречивую информацию, воспринимают и усваивают противоре-
чивые принципы, убеждения, чувства, мнения. Так, К. Цуруми
в качестве примера приводит двойственность оформления курса
на «войну за Великую Восточную Азию», провозглашенного в
1938 г. принцем Ф. Коноэ. С одной стороны, Япония выступала
как империалистическая держава, добивавшаяся от западных
соперников признания ее руководящей роли в Азии, с другой —
она объявляла народам Азии (и своему народу), что война яв-
ляется антиимпериалистической и ведется ради их освобожде-
ния. Подобное разделение на внешнюю и внутреннюю комму-
никацию используется и в настоящее время. В японском тексте
Японо-американского соглашения об о-вах Окинава, подписан-
ного 17 июня 1971 г., говорилось об их «возвращении», а в ан-
глийском тексте — о «возвращении административных прав», что
позволяло обойти вопрос о сохранении американских баз на
о-ве Окинава.

Намеренный «курьез» произошел и со словом «союз» (до-
мэй), вставленным в американско-японское коммюнике от мая
1981 г. «Джапан таймс», комментируя «это неприятное собы-
тие», писала, что произошла всего лишь «лингвистическая ошиб-
ка», поскольку премьер-министр Д. Судзуки «резко опроверг
наличие каких бы то ни было отношений такого типа между
странами». И если, мол, американцы поняли это слово как обя-
зательство Японии защищать морские пути на расстоянии 1000
миль от побережья Японии, то это «лишний раз отражает куль-
турно-психологические различия между двумя странами»¹³⁷.
Далее мы еще вернемся к этому вопросу, но здесь необходимо
подчеркнуть, что подобная словесная эквилибристика необхо-
дима была средствам массовой информации для того, чтобы,
сославшись на различное толкование термина «союз», сбить
волну протеста общественности против углубления военных свя-
зей с США. Таким путем происходит подготовка общественного
мнения к реальным намерениям правительства, несмотря на
«официальное» опровержение подобных намерений.

Все подобного рода приемы рассчитаны на так называемую
«трехполюсную логику» японцев, отрицающую конфликтность,
противоречивость и не признающую их разрешения за счет ут-
верждения одной из сторон.

Это позволяет лидерам от политики и бизнеса добиваться
любых противоречивых решений. В то же время, чтобы эти ре-

ально существующие противоречия не вызвали конфликтных ситуаций между разнородными группами и слоями общества, в Японии развито такое явление, как посредничество. Все перечисленные ранее экономические организации и политические консультативные советы при кабинете и министерствах — это своего рода «институты посредничества», главная задача которых заключается в недопущении прямого столкновения заинтересованных групп. Конфликт не должен выходить на поверхность, он должен заранее разрешаться на основе компромиссов.

Механизм внешнеполитического процесса в Японии отличается от западных стандартов уже на стадии его формирования. Удобной иллюстрацией для понимания различий этого механизма может послужить анализ способа перестройки правящими кругами Японии политической атмосферы в стране, благоприятной для развития более жесткого курса во внешней и военной политике Токио. Как известно, на рубеже 70—80-х годов милитаристские и агрессивные начала усилились во внешнеполитическом курсе практически всех крупнейших империалистических держав. Но в США и в Западной Европе планы государств по ужесточению внешней политики разрабатываются и осуществляются господствующими классами, и в первую очередь правящей элитой, в меньшей степени учитывающей мнения и настроения масс.

В Японии же настроение общественности, ее позиция относительно крупных переломов во внешней политике, и особенно по военным вопросам, отнюдь не безразличны для тех, кто принимает решения. Это, конечно, не означает, что правящий класс страны радеет об интересах народа. В стремлении ужесточить свой внешнеполитический курс он ничуть не уступает своим классовым союзникам, например за океаном. Взяв подобный курс, политические круги Японии просто стремятся избежать тех социальных конфликтов, которые имеют место в настоящее время на американском и европейском континентах. В расчет принимается и ряд особенностей, присущих Японии, таких, как атомная аллергия японского населения, достаточно сильные позиции оппозиционных партий, и не менее важный момент — традиционное ожидание японцами объяснений со стороны правительства тех или иных (особенно резких) поворотов во внешней политике. А следовательно, консенсус — как форма достижения согласия — необходима для правящих кругов не только в собственной среде, не только в сфере производственных отношений, но и по линии народ — государство (или народ — правительство).

Анализ военных программ Японии свидетельствует о том, что правящие круги Японии подступали к ним постепенно. В первой половине предыдущего десятилетия высказывания о необходимости перевооружения поступали от немногочисленных лиц, так называемых «ястребов» УНО и ЛДП. В середине 70-х годов дискуссии на эту тему были перенесены в парламент, причем в эти

дискуссии были вовлечены более широкие слои социально-активного населения. В конце декады уже правительственные деятели, включая премьер-министров Т. Фукуда, М. Охира, Д. Судзуки, откровенно стали ратовать за новую военную политику, обсуждая уже не столько саму идею, сколько детали перевооружения страны. К пропаганде курса на милитаризацию активно подключилась буржуазная пресса. В результате процент опрошенных, поддержавших новое направление японской внешней политики и новую роль Японии в будущем как великой военной державы в мире, увеличился. В начале 80-х годов были приняты дополнительные и крайне своеобразные усилия в деле обработки населения в духе милитаризма с использованием такого идеологического инструмента, как синтоизм.

15 августа 1980 г., в день 35-летия поражения Японии, впервые после второй мировой войны премьер-министр и некоторые члены кабинета в качестве «частных лиц» посетили синтоистский храм Ясукуни, в котором захоронены останки военных преступников времен второй мировой войны. Это событие глубоко взволновало японскую общественность и вызвало широкий протест прогрессивных слоев японского общества. Столь бурная реакция была вызвана не только тем, что правительственные круги как бы реабилитировали тех, кто вверг страну в войну. Эта акция имела более важное значение, за которым стоит поворот официальных кругов в сторону милитаризации государства, поскольку «храм Ясукуни функционировал в качестве средства установления духа милитаризма в японском обществе»¹³⁸.

Подобные оценки, связанные с храмом Ясукуни, требуют дополнительных разъяснений. Дело в том, что при всем внешнем равноправии религий в Японии синтоизм после незавершенной буржуазной революции Мэйдзи и вплоть до поражения страны в 1945 г. имел преимущества перед остальными религиями, поскольку он был официальной государственной религией. Именно синтоизм формировал отношения японцев к государству, возглавляемому божественным императором. Так как синтоизм, в отличие от буддизма, конфуцианства и христианства, чисто национальное явление, то именно с помощью этой религии господствующие классы обосновывали идею исключительности японской нации. Согласно синтоизму, человеческая жизнь и смерть имеют значение и ценность только во имя служения императору как высшему существу божественного происхождения. Любая же другая религия, допускающая иное толкование смысла жизни и смерти вне поклонения императору, не имеет права на существование. Или в крайнем случае она возможна, но при условии признания приоритета синтоизма. Поэтому верующие других религий клеймились как «не японцы». В результате «терпимые боги» Японии были крайне нетерпимы к другим богам. В период захвата Кореи, Китая, Маньчжурии и других стран оккупационные власти заставляли молиться их население в синтоистских храмах (особенно христиан), уклонявшихся от этого

умерщвляли. Как пишет ученый из университета Тохоку М. Мията, «агрессивная экспансия Японии сопровождалась и экспансией синтоизма на территориях, которые она завоевывала»¹³⁹.

Но не только агрессия экспортировала синтоизм, сам по себе синтоизм таил в себе агрессивное начало японской политики. Еще до «реставрации Мэйдзи», провозглашая исключительность японской нации, он не мог снять социальную напряженность в стране, которая, помимо всего прочего, определялась фактом закрытого японского общества. Частично эта напряженность разрешалась путем организации правящим классом «охоты за ведьмами», объектом которой было еретическое меньшинство — японские христиане.

Однако после «открытия» Японии и быстрой вестернизации был открыт другой канал разрядки социальной и классовой напряженности, направленный вовне, в форме агрессии и колониалистских войн. И это была отнюдь не «показуха» (мисэкакэ), не отклонение от токугавских ценностей, как утверждает упоминавшийся Ё. Нагаи, а продолжение и развитие идеи исключительности японской нации, призванной господствовать в мире. Таким образом, синтоизм перестал быть просто религией, он превратился в политическую идеологию, знамена которой украшают самурайский меч и хризантема. Другими словами, синтоизм — это идеология войны и милитаризма.

После второй мировой войны он был отделен от государства. Однако в мышлении японцев синтоизм сохранился и проявлял себя в виде культовых обрядов. Попытка правящих кругов Японии возродить как «национальную святыню» храм Ясукуни означает намерение вновь слить государство и религию, а значит, вновь возродить культ императора со всеми вытекающими отсюда последствиями. Японские прогрессивные деятели считают, что политизация синтоизма — и первый шаг к этому — действия в отношении храма Ясукуни — прямо связана с усилением военного строительства в Японии.

Надо признать, что правительственные круги, ЛДП сумели за последние два-три года увлечь часть населения, особенно в провинциях, идеями необходимости огосударствления синтоизма. На серьезность этой проблемы указывают прогрессивные силы, считающие, что если не изменить синтоистские представления этой части японцев, то борьба против милитаризации страны обречена на провал. В их программах говорится: «Борьба против национализации храма Ясукуни — это борьба за радикальное психологическое изменение склада мышления японцев. Из нашего постыдного опыта неудачного предотвращения милитаризации в довоенное время мы должны вынести одно: борьба против храма Ясукуни связана с нашей ответственностью перед историей»¹⁴⁰.

В начале 80-х годов пропаганда «исключительности» японской нации, ее особого «исторического пути» приобрела характер государственной политики. Об этом свидетельствует, помимо

«синтоизации» общественной жизни, запланированная школьная реформа, предусматривающая возрождение среди молодых японцев духа Ямато.

В данном случае правящие круги Японии стремятся использовать такую характерную для японцев национальную черту, как безоговорочная вера в печатное слово, сформированная вековыми традициями в сфере образования. Нынешние столкновения между общественностью и правительством в этой сфере (в частности, в вопросе об учебниках и вокруг проблем образования в целом) имеют непосредственное отношение к курсу на милитаризацию страны. Японские учителя, участвующие в движении за мир, следующим образом характеризуют цели правящей элиты в сфере образования: «Правительство, большой бизнес и министерство образования подвергают пересмотру учебники, чтобы создать среди нового поколения японской молодежи консенсус, способствующий превращению Японии в военную и великую экономическую державу»¹⁴¹. Изучивший эту проблему ученый из университета в г. Окаяма Г. Хук отмечает, что министерство образования требует от составителей учебников: подчеркивать законность сил самообороны и необходимость обладания ядерной мощью; исключать любые упоминания о Японии как стране с сильной «оборонной мощью» в Азии; отказаться от освещения истории движения за мир с периода эпохи Мэйдзи; исключать материалы, описывающие реальность войны и упоминающие о конкретных действиях Японии в Южных морях; не допускать каких-либо намеков, позволяющих детям думать о существовании военно-промышленного комплекса и военной промышленности¹⁴².

Правящие круги Японии с целью расчищения «завалов» на пути милитаризации страны не оставляют без внимания ни одной из черт национального характера японцев.

О возврате к «былому величию Японии» постоянно говорит в своих речах премьер-министр Я. Накасонэ (бывший ученик таких учителей, как известный в стране националист и антикоммунист профессор Токийского университета С. Ябу и лидер правых Е. Кодاما). На 98-й сессии парламента (24 января 1983 г.) Я. Накасонэ завершил свою речь следующими словами: «Японская традиция — незримая сила, определяющая наши мысли, наш образ жизни». Он подчеркнул, что необходимо прилагать самые разнообразные усилия, чтобы использовать личную инициативу на национальном уровне и на уровне общин. Он предложил делать упор на местную общину и добиваться создания по всей стране местных общин. Упоминание общин очень симптоматично. Ведь именно общины являлись и являются в Японии питательной средой для национал-шовинистических настроений.

Безусловно, правящие круги не отказываются и от таких «классических» буржуазных средств, как муссирование различного рода мифов, вроде мифа о «советской угрозе», о необходимости защиты ценностей «свободного предпринимательства».

и т. д. Но ни в одной капиталистической стране не используются столь активно и сознательно особенности национального мышления, специфика национального характера. Стремление предотвратить или хотя бы приглушить общественные конфликты, по возможности разрешить их с помощью компромисса одновременно является отличительной особенностью поведения и самого правящего класса Японии. Причем эта «компромиссная» особенность деятельности власти имущих проявляется не только в ходе формирования внешней политики, но, пожалуй, в еще большей степени в процессе выработки, принятия решений.

Использование традиций в процессе принятия решений. Сразу же следует отметить, что японское понимание смысла термина «принять решение» отличается от западного. Различие состоит в следующем: на Западе это означает «ответить на вопрос», решить проблему; в Японии же — «определить вопрос», выявить суть проблемы. Американский ученый П. Дракер, специально занимавшийся этой стороной японского менеджмента, пишет: «Японский процесс принятия решений сфокусирован на понимании проблемы. Желательным конечным результатом являются определенные действия и поведение людей»¹⁴³. Но и принятое в западном понимании «окончательное решение» еще не означает, что оно будет трансформировано в политику, поскольку это решение в любой момент может таким образом видоизмениться, что на «выходе» из внутренней среды оно будет нести совсем иное содержание, чем в момент его принятия. Другими словами, принять решение в Японии, определяющееся термином «действие» — «кодо» (по А. Ватанабэ), не означает, что политика (сэйсаку) будет строиться на ее основе. Она может быть совершенно противоположной. Так, например, в ответ на требования США и стран Западной Европы ограничить экспорт некоторых товаров и вообще сбалансировать торговлю японское правительство неоднократно принимало решение об удовлетворении своих партнеров-соперников. Однако и по настоящее время несбалансированность не только сохраняется, но и усиливается в пользу Японии. Осознав суть проблемы экономического и политического свойства, члены кабинета формально принимают решение, соответствующее требованиям из-за океана, но действуют вопреки своим же решениям. Следовательно, «принять решение» по-японски не означает обязательно следовать этому решению. Суть заключается в выявлении проблемы и последующего действия в интересах японских монополий.

Как пишет тот же А. Ватанабэ, «драма тихого, незаметного глазу прохождения решения большей частью и является процессом, который называется формированием внешней политики... Эта драма происходит при участии многих актеров, но это не есть карнавальное зрелище, на центральной сцене которой участвует толпа; работа осуществляется на ограниченных участках малой сцены без посторонних взглядов»¹⁴⁴.

В основе процедуры принятия решений лежит традиционная

система «ринги» (или «хинги» — дословно «получение согласия на принятие решений путем опроса без созыва совещаний»). Суть ее состоит в урегулировании различных мнений и избежании противоречивых мнений. На предварительной стадии — «нэмаваси» («увязка корней» или заблаговременная подготовка решений) идет фактическая подготовка условий для достижения согласия всех заинтересованных участников. В результате, как отмечает Т. Хосоя, «споры на официальном уровне становятся формальными, а дебаты, по существу, проходят на стадии „нэмаваси”»¹⁴⁵. Таким образом, достигается не только консенсус по возможности между большим количеством участников, но и происходит (что не менее важно) приобщение каждого члена (или институционального блока) к процессу формирования решения. Тем самым система «ринги» отражает природу признания и уважения социального статуса участников.

Примером многочисленных консультаций по системе «ринги» — «нэмаваси» могут послужить события, связанные с вспыхнувшими в 1982 г. разногласиями между Токио и Вашингтоном, по проблемам экспорта в Японию некоторых видов сельскохозяйственных продуктов США, подрывающего позиции японских фермеров.

Возникновение данной проблемы привело к образованию фермерского лобби, состоящего из крупных фермеров и их ассоциаций, членов ЛДП, ответственных за аграрную политику в партии во главе с Т. Это, и высших чиновников министерства земледелия, лесоводства и рыбной промышленности¹⁴⁶. На первой стадии «увязка корней», т. е. обмен мнениями до согласованной кондиции, осуществлялась между лоббистами и фермерами. На второй стадии представители лобби «вышли» на министерства, от которых требовалась поддержка их позиций. Т. Это неоднократно встречался с министром иностранных дел Ё. Сакурауги в ресторане (что, кстати, является еще одной характерной чертой «делания» политики в Японии) с целью согласования позиции с министерством иностранных дел относительно требования американцев открыть сельскохозяйственный рынок страны, а И. Ямагути, представитель Центрального союза кооперации аграрников, «увязывал корни» с министром внешней торговли и промышленности С. Абэ, а также с начальником Научно-технического управления, ранее занимавшим пост министра земледелия, И. Накагава. Одновременно мини-«нэмаваси» было «прокручено» в самом министерстве земледелия, лесоводства и рыбной промышленности. Заручившись поддержкой названных ведомств и влиятельных лидеров, лоббисты уже в своем кругу, т. е. на третьей стадии, выработали окончательное решение, как вести себя на переговорах с американской стороной. На достижение консенсуса у них ушло полтора месяца. Необходимо обратить внимание на то, что все эти обсуждения ставили своей целью не разрешение проблемы, а выработку поведения в условиях существования данной проблемы.

Как считает советский исследователь А. Н. Курицын, «система „ринги“ как групповой метод принятия решений основывается на достижении взаимного согласия всех членов групп, и именно в этом проявляется ее основная особенность»¹⁴⁷. То есть «ринги» выполняет функцию приобщения большого круга людей или звеньев бюрократического аппарата к политике, и тем самым создается имедж соблюдения буржуазной демократии по-японски.

Система «ринги» отражает специфическую сторону японского управления вообще. Она возникла еще в древности и связана с такой уже упоминавшейся национальной чертой японцев, как отсутствие самостоятельности в принятии решений. Американский разведчик Захариас, пожалуй, первый обратил внимание на эту черту. Он писал: «Ни один японец, независимо от ранга и положения, по складу своего характера не возьмет или не может взять на себя ответственность решать важные вопросы без длительных и неоднократных обсуждений. Вначале он должен убедиться, что не только он один несет ответственность за принятое решение»¹⁴⁸. Захариас выделил еще одну черту этой системы — распыление ответственности, или, по словам доцента Токийского института иностранных языков Х. Симидзу, «коллективной безответственности»¹⁴⁹, что также выгодно господствующему классу, поскольку позволяет ему скрыть «узлы власти».

На систему «ринги» — «нэмаваси» очень похожа система «харагэй» (дословно — «игра животом»), которую американцы переводят словом «bargaining» («торговая сделка», «торг»). Суть ее сводится также к обсуждению проблемы до тех пор, пока каждый участник не сможет предложить свой путь приспособления к ней или пока стороны не придут к согласию. Из прочитанной литературы на эту тему нельзя получить ясного представления о разнице между этими системами. По нашему мнению, она заключается в адресатах. «Нэмаваси» проявляет себя в общении внутри какой-либо сплоченной группы, «харагэй» — во взаимоотношениях с другими группами или с иностранцами в ходе ведения с ними переговоров.

Другими словами, «харагэй» — это японская техника ведения переговоров, которая не раз доводила до белого каления американских бизнесменов и политиков. Вот как описывает поведение японцев на переговорах американский советник, профессор Университета ООН в Токио Юджин Ли: «Мне было поручено одним американским концерном подготовить создание совместной фирмы с равной долей участия; американская фирма хотела объединиться с японской шелкоткацкой фабрикой... Шесть американских предпринимателей, прилетевших из США, сидят с проектом договора в руках за столом заседаний напротив японской делегации. Японский председательствующий встает, приветствует американцев вежливой, ничего не говорящей фразой и выражает надежду, что американские гости будут хорошо

себя чувствовать в Токио. На этом первый день переговоров закончился. На следующий день спектакль повторяется, американцы начинают нервничать и спрашивать, нельзя ли пока что обсудить хотя бы какой-нибудь пункт договора. Через неделю, когда японский председательствующий снова пожелал хорошего пребывания в Токио, один из американских бизнесменов не выдержал. „Время — деньги”, заявил он, и его делегация безуспешно возвращается в США»¹⁵⁰.

Сами же японцы высоко ценят именно такой тип ведения переговоров, считая, что он ведет к установлению «человеческих отношений». Так, профессор М. Кунихиро пишет: «В „харагэй” проявляется чувство эмоциональной общности, т. е. желание получить особое внимание (вновь связь с амаэ) со стороны партнера, который, в свою очередь, стремится получить ваше дружеское расположение, стать членом вашей группы»¹⁵¹. Особенно эффективно «харагэй» действует, конечно, среди членов групп, принадлежащих к одной культуре. Неприятие «харагэй» со стороны представителей «чужой» культуры ведет, по М. Кунихиро, к «неприятностям и недопониманию».

В качестве примера такого сверхнедопонимания авторы монографии «Формирование альянса» приводят войну между США и Японией, которая произошла, по их мнению, из-за того, что между президентом Рузвельтом и принцем Коноэ не получился «харагэй» (американский президент отказался от личной встречи с японским главой). Это, безусловно, пример гипертрофированного преувеличения воздействия японских традиций на политику.

В реальной действительности все намного сложнее: истоки войны между США и Японией или нынешних противоречий между союзниками коренятся в иных плоскостях; они определяются законами развития капиталистических государств, и прежде всего их борьбой за прибыли и сверхприбыли. В то же время незнание или игнорирование традиционных особенностей, в том числе в сфере ведения переговоров, может нести дополнительную негативную нагрузку на состояние межгосударственных отношений. Для правящих кругов Японии система «харагэй» действительно удобна. Она позволяет им довольно длительно вести переговоры, во время которых они полнее и лучше узнают намерения партнера. Одновременно это дает им возможность выявить степень ущерба или преимуществ с точки зрения собственных интересов посредством «нэмаваси» уже в своей среде. Короче говоря, за время переговоров предусматриваются все компоненты предстоящего соглашения или дипломатического документа. И когда наконец будет достигнуто окончательное решение, все работы по его реализации могут быть выполнены очень быстро. Намного быстрее, чем у тех же американцев, поскольку то, что у японцев было сделано на предварительной стадии в процессе ведения переговоров, у компаний США начинается только после их завершения.

Анализ рассмотренных выше проблем показывает, что механизм политической власти Японии, формулирование политики и принятие решений в общих чертах отражает единую картину для ведущих капиталистических государств. Вместе с тем действие этого механизма и разработка внешней политики в восточном центре империализма имеет ряд специфических черт, отличающихся от западных вариантов.

Если рассматривать распределение власти внутри страны, то она в значительно большей степени концентрируется в руках монополистической буржуазии, нежели государства¹⁵². Соответственно и ключевым звеном в принятии решений выступает не правительство, а большой бизнес Японии. В других капиталистических странах, особенно в тех, где высока степень развития государственно-монополистических форм (Франция, Швеция, Австрия и др.), и в тех, где основным компонентом политики является ставка на милитаризм (США, отчасти ФРГ), соотношение власти распределено более равномерно или даже с тяготением в пользу государственных органов.

В отличие от конгресса США японский парламент имеет значительно меньшее влияние. Можно даже сказать, что он фактически исключен из механизма выработки политики.

Разница между правящими партиями США и Японии заключается в том, что в первом случае основная задача партии состоит в приведении своего лидера к власти, ЛДП же не только «выводит» своих руководителей к власти, но и активнейшим образом участвует в разработке политики. Гораздо большее значение в политической жизни Японии, чем в других капиталистических государствах, имеет бюрократия.

Следует еще раз подчеркнуть, что влияние национальных особенностей на формирование и принятие внешнеполитических решений в Японии огромно. Представляется, что дальнейшее исследование культурно-цивилизационного своеобразия этой страны может оказаться важным дополняющим и уточняющим аспектом конкретно-исторического проявления общих закономерностей капитализма на японской почве. Практика показала, что система управления в Японии, сочетающая в себе традиционные формы, наряду с новейшими методами, отличается высокой эффективностью. Не было бы ошибкой утверждать, что, помимо обладания высококвалифицированным отрядом трудящихся и способностью быстро осваивать последние плоды научно-технической революции, одним из главных козырей господствующего класса Японии является система управления, к которой относятся и приемы формирования и выработки внешней политики, методы ведения переговоров.

Изложенный взгляд на формирование внешней политики и принятие решений вовсе не означает, что на практике его действие проявляется в линейной причинно-следственной последовательности. В жизни, во взаимодействии, по словам К. Маркса, причина и следствие теряют свои отличительные признаки. И ес-

ли за каждой конкретной внешнеполитической акцией еще можно выявить конкретную инициативную силу или группу сил, то этого практически невозможно сделать, когда речь идет об общем внешнеполитическом курсе.

Это вполне понятно, поскольку он является отражением совокупной зависимости взаимодействия всех участников внешнеполитического процесса, причем не только внутренних, но и внешних. Единственное, что обнаруживается вполне определенно на данном участке анализа, — это классовая направленность внешней политики. Следующим этапом является выявление «разрешательной» способности страны добиваться тех или иных внешнеполитических целей, которая зависит от ее экономического потенциала, ее сравнительной мощи в ряду других государств на международной арене.